
ЧЕРНАЯ ВДОВА
СОЛНЦЕВА М.В.
Я ВСЁ РАВНО ИХ ЛЮБИЛА

Маргарита Солнцева
Чёрная вдова

https://litres.ru/74717673
SelfPub; 2026

Аннотация

Следователь Егор Сотников берётся за, казалось бы, рядовое дело: в своей квартире найден мёртвым мужчина тридцати четырёх лет, диагноз — острая дыхательная недостаточность, признаков преступления нет. Позже выясняется, что роковую роль сыграла пагубная привычка — курение. Но чем дальше Сотников погружается в материалы, тем тревожнее картина: спустя неделю в архиве он обнаруживает ещё четыре почти одинаковых дела за последние десять лет.

Шаг за шагом следователь собирает цепочку из документов: записи ЗАГСа, данные реестра недвижимости, аптечные журналы, заключения судмедэкспертов. Ключевым звеном становится старый конверт, долгие годы пролежавший в чужом шкафу.

Параллельно раскрывается история женщины, чьё благополучие сложилось из десяти завещаний: они сделали её хозяйкой десяти квартир. В одной она живёт, остальные сдаёт, а на вырученные деньги путешествует по Азии и Европе. И при всей этой расчётливой схеме слово «любовь» ей не чуждо — и в этом таилась её главная тайна.

Содержание

Сюжет 4
Глава 1. Острая дыхательная недостаточность 6
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Маргарита Солнцева
Чёрная вдова

Сюжет

В Заречинске умирают мужчины — не старые, крепкие, с работой и квартирой. Врачи пишут одно и то же, соседи говорят одно и то же, и в каждом доме, где закрывают дверь после похорон, остаётся женщина, у которой уже была такая дверь. У неё десять ключей. Девять из них она отдала жильцам, и они платят ей аренду. Десятый — от квартиры, где она живёт одна.

Главные герои: Вера Одинцова, тридцать четыре года, провизор-ассистент, десять раз вдова, — женщина, которую город сделал ведьмой раньше, чем кто-либо спросил её имя; молодая, высокая и стройная, как и все её десять мужей, — все десять моложе тридцати пяти, все красивые; сама она не курила и не парила ни разу в жизни, после суда сдаёт девять квартир и живёт на аренду, объехав Азию и Европу, и умирает в девяносто три года, пережив и следователя, и прокурора; Егор Андреевич Сотников, тридцать четыре, старший следователь, человек, который двенадцать лет писал постановления об отказе и впервые в жизни не смог; Мария Стёпина, двадцать три, стажёр, которая читает быстрее, чем думает, и

потому иногда думает вслух; Пётр Яковлевич Гилёв, шестьдесят один, химик, знающий, что у каждой эпидемии есть рецепт; Валентина Марковна Тетерюк, судмедэксперт, тридцать лет подписывающая то, что видит, и не подписывающая то, чего не видит; Прохор Альбертович Кулешов, сорок восемь, владелец сети магазинов «Парной»; Дина Агафонова, двадцать семь, репортёр, придумавшая прозвище; Федя Ушаков, девятнадцать, мальчик из цеха; нотариус Игорь Феликсович Панкратов; Тимур Асланов, тридцать четыре, десятый муж; Гурий Станиславович Пивоваров, заведующий отделением, который дважды написал в карте слово «сам».

Глава 1. Острая дыхательная недостаточность

Двенадцатого ноября, в четверг, в дежурную часть позвонили в семь минут восьмого утра.

Звонила женщина, и голос у неё был ровный, без всхлипов, — так звонят в поликлинику, чтобы записаться, а не в полицию, чтобы сообщить о трупе. Дежурный капитан Жарков потом говорил, что именно этот ровный голос его и насторожил, но насторожил не настолько, чтобы поднимать кого-то, кроме участкового.

— Улица Черёмуховая, семь, квартира пятьдесят пять. Муж не дышит.

— Скорую вызвали?

— Вызвала в шесть сорок. Они уже были. Сказали, что поздно.

— Кто вы ему?

— Жена.

Участковый лейтенант Кузнецов приехал через двадцать минут, поднялся на пятый этаж пешком, потому что лифт в этом доме стоял с прошлой зимы, и жильцы давно сдались. Дверь была открыта. В коридоре, у вешалки, стояла женщина в сером домашнем платье и тёплых носках и держала в руках телефон двумя руками, как держат книгу.

— Одинцова Вера Сергеевна, — сказала она. — Он в комнате.

Кузнецов зашёл в комнату и увидел то, что видел за одиннадцать лет службы раз шесть: мужчина лежал на полу между диваном и журнальным столиком, лицом вниз, одна рука под телом, вторая вытянута в сторону. На столике стояла кружка с чаем, который уже остыл, лежал пульт от телевизора, лежал телефон, и стоял вейп — чёрный, с потёртой кнопкой, похожий на толстую авторучку.

Телевизор работал. Шёл канал про животных, и в комнате было слышно, как в саванне кто-то жуёт траву.

— Скорую я вызвала сразу, — сказала женщина из коридора, не входя в комнату. — Они приехали в шесть пятьдесят две и в семь ноль шесть уехали.

— Почему сразу не позвонили нам?

— А зачем? — Она помолчала. — Он болел. Он кашлял с сентября. Я думала, что это сердце.

Кузнецов вызвал дежурного и, дождавшись разрешения, позвонил в следственный отдел. В следственном отделе трубку взял старший следователь Сотников, который в этот момент стоял в очереди в столовой с подносом и собирался взять гречку.

— Труп в квартире, — сказал Кузнецов. — Мужчина, тридцать четыре. Жена говорит, болел. Скорая уехала, признаков насилия не видно. Но там... — он замялся, подбирая слово, — там очень чисто.

— Чисто — это как?

— Ну, знаете, как в номере, где неделю никто не жил. Не то что убрано, а как будто ничего не трогали.

Егор Андреевич Сотников положил трубку, извинился перед женщиной за стойкой, поставил поднос на полку возврата и пошёл к машине.

На улице было минус три и шёл сухой снег, тот, что ложится и сразу сдувается. Сотников ехал через город, мимо завода, мимо рынка, где с восьми утра уже стояли фуры с картошкой, мимо новой школы с синим забором, и думал о том, о чём думал всегда в такие минуты: что все его дела за двенадцать лет службы делились на две части. В первой части человек был виноват — и это было просто, потому что надо было собрать бумаги. Во второй части человек был не виноват, и это было ещё проще, потому что надо было написать постановление об отказе и закрыть папку.

Дела, в которых всё было не так, он помнил наизусть. Их было четыре за двенадцать лет. Четыре раза, когда он ложился спать и не мог заснуть, потому что видел перед собой лицо, которое ему что-то говорило и не было услышано.

В этот день, двенадцатого ноября, ему предстояло начать дело номер пять, но он об этом ещё не знал.

Дом на Черёмуховой был обычный: панель, девять этажей, два подъезда, у подъезда — лавка, на лавке — три человека с сигаретами, которые при виде машины с надписью перестали разговаривать и начали смотреть.

— Кто в пятьдесят пятой? — спросил Сотников, подходя. — Лещёв?

— Марк, — сказала женщина в пуховике. — Марк Олегович. Хороший был.

— Хороший, — подтвердила вторая. — Машину водил. В марте мне картошку привёз из совхоза, мешок.

— А жена?

Три человека переглянулись. Это было то, что Сотников видел за двенадцать лет сотни раз и что никогда не переставало его интересовать: переглядывание. Люди не переглядываются, когда всё понятно. Они переглядываются, когда у них есть версия и они не хотят быть её автором.

— Живёт она, — сказала наконец женщина в пуховике. — Тихая. Здоровается.

— Давно они?

— Да года два. Он на шиномонтаже работал, на объездной, а потом это, — она показала рукой в воздухе что-то, означающее «плохо», — ну, задышал плохо. Сначала ничего, потом стал кашлять, потом перестал на смену ездить.

— А в квартире у них как?

— Чисто, — сказала вторая женщина и произнесла это слово точно так, как произнёс участковый. — У неё вообще как-то... — она не нашла слов и закончила: — Будто она на даче живёт.

Сотников поднялся на пятый этаж, встретил на площадке Кузнецова и эксперта — Валентину Марковну Тетерюк, ко-

торая в этом году работала в Заречинске третий месяц, потому что её районное управление расформировали и распределили людей, и которая приезжала на вызовы в своём, привычном, порядке, как приезжают люди, знающие, что им тут работать недолго.

— Смотрела навскидку, — сказала Тетерюк, стягивая пуховик. — Мужчина, тридцать четыре-тридцать шесть, лежит на животе. Кожа сухая, температура тела низкая, значит, умер двенадцать-шестнадцать часов назад. Следов на шее нет. Кровоподтёков на голове нет. Ссадин нет. Рот и нос — чистые.

— Отчего?

— Не от моей работы это, — сказала Тетерюк. — Внешне — да хоть что: сердце, тромб, астма. Вскроем, посмотрим. Но учтите одну вещь: у него губы синеватые, и не как у всех, а по краю, и ногти синеватые. Это не «упал и лежал». Это ему не хватало воздуха. Долго не хватало. Часами.

Сотников вошёл в квартиру.

Прихожая была обычная: коврик, шкаф, зеркало, тумбочка с мелочью. На тумбочке — ключ от почтового ящика, чек из гипермаркета, две монетки. В шкафу висело восемь курток, и две из них были явно не Марка: женские, разного размера и разного цвета.

— Это всё ваше? — спросил он, обернувшись к женщине, которая всё ещё стояла в коридоре и держала телефон двумя руками.

— Что всё?

— Куртки.

— А. — Она посмотрела на шкаф без всякого выражения. — Это от прошлого. Я не выбросила.

Сотников пришёл в странное состояние, которое знал за собой: когда всё в порядке, он начинал искать. Дверь закрыта нормально. Обувь стоит нормально. Домашние тапочки хозяина — у дивана, носками в середину комнаты, будто он их сбросил назад, а не вперёд. Это мелочь, на которую никто не смотрит, и она говорила, что человек сначала сел, потом встал, потом упал.

— Расскажите, — сказал он, сев на кухне (в квартире вообще было не на что сесть, кроме двух табуреток; зато на столе лежала клеёнка, а на клеёнке стояла сахарница). — Как вы просыпались.

— В шесть тридцать, — сказала Одинцова. — Я ночую плохо, встаю в шесть. Поставила чайник, потом пошла его будить, потому что он в последние дни спать ложился в комнате, чтобы мне не мешать, — он кашлял ночами.

— И?

— И он лежал на полу. Я его перевернула. — Она сказала это ровно, как говорят про постиранное белье. — Он был ещё тёплый. Я вызвала скорую и сделала... — она замолчала.

— Что сделали?

— Массаж сердца. Двадцать минут, пока они ехали.

— Вы медик?

— Я провизор. Аптека на Советской, «Здоровье плюс». — Она впервые посмотрела ему в глаза прямо, и он увидел, что у неё очень бледные ресницы. — Искусственное дыхание я делать не стала. Я не знала, как у него со здоровьем, он мне никогда не говорил про болезни, и я побоялась.

Сотников записал это. Потом записал ещё несколько фраз. Потом спросил то, что спрашивают всегда:

— Он курил? Не сигареты, вот это.

— Парил, — сказала Вера Одинцова. — Три года.

— Что парил?

— Это, — она кивнула в комнату, где лежал вейп. — Жидкость. Он брал в «Парном», на Октябрьской. Ему там давали дешевле, он в их клубе был.

— В клубе?

— У них клуб такой, — она чуть приподняла бровь. — Карточка. Пятая заправка в подарок. Он смеялся: в пятьдесят лет кружки не соберу, а у них соберу.

Сотников вышел на площадку, позвонил в следственный, потом в диспетчерскую скорой, потом участковому, и к одиннадцати он уже знал почти всё, что было можно.

Знал он вот что: мужчина тридцати четырёх лет, Лещёв Марк Олегович, работал на шиномонтаже у объездной дороги, в сентябре дважды брал больничный с диагнозом «бронхит», в октябре третий раз обращался в поликлинику с жалобами на одышку, в карте записано: «Обструктивный синдром. Рекомендовано: отказ от курения»; отказ отслежен не

был. Скорую вызывали в 6:41, бригада приехала в 6:52, констатировала смерть в 7:06. Назначение — судебно-медицинская экспертиза.

Дальше всё должно было пойти по обычной колее: экспертиза, причина смерти, постановление об отказе, папка на полку.

Так бы и пошло. Но когда Сотников уходил, в прихожей что-то звякнуло.

Он обернулся. Одинцова закрывала дверь шкафа, и на нижней полке он успел увидеть связку ключей — не одну, а целую кучу, нанизанную на кольцо, и это кольцо было размером с ладонь, а на нём висело много, очень много плоских ключей, одинаково белых, с номером на каждой напайке.

Сотников сказал «до свидания». Вышел на лестницу. Спустился на четыре ступеньки и остановился.

За двенадцать лет он видел такие связки дважды: у завхоза школы и у риелтора. Но у риелтора они висели связкой, а у человека, живущего в двухкомнатной квартире на Черёмуховой, они лежали в шкафу на полке с дверью, закрывающейся на защёлку.

Он вернулся и сказал:

— Вера Сергеевна, я должен осмотреть квартиру.

— Осматривайте, — ответила она, не двигаясь с места.

— И то, что в шкафу.

— И то, что в шкафу.

Он открыл дверцу. Связка была тяжёлая. Он поднял её, и

ключи стукнули друг о друга, как стучат в подъезде, когда кто-то не может попасть в дом.

— Десять, — сказал он вслух, потому что считал он всегда вслух, и это раздражало сослуживцев, но он не мог иначе. — Десять связок.

— Десять, — согласилась она. — И ещё одна, моя.

Он посмотрел на неё.

В ней не было ни страха, ни слёз, ни того лихорадочного спокойствия, за которым прячется истерика. Она стояла в своих тёплых носках на коврике и держала телефон двумя руками, и её лицо было лицом человека, который очень давно не говорит одного единственного слова и уже не уверен, что оно ему понадобится.

— Чьи это?

— Мои, — сказала Вера Одинцова. — Я десять раз выходила замуж. Это квартиры.

Он записывал сорок минут.

Потом сидел ещё двадцать, потому что записанное не складывалось в то, что он видел.

В записанном было: Одинцова Вера Сергеевна, тридцать четыре года, образование среднее специальное, фармацевтический колледж, работает провизором-ассистентом в аптеке «Здоровье плюс» на Советской, двенадцать лет, без перерывов, без взысканий, без больничных. Замужем была десять раз. Мужья умерли.

В записанном не было того, что он видел. Ей было трид-

цать четыре, и она была красивая — не той красотой, о которой пишут в объявлениях, а той, которую замечают не сразу: высокая, очень стройная, прямая, с гладкими тёмными волосами, собранными так аккуратно, будто она собирала их не перед зеркалом, а перед выходом из дома, где её ждут. И руки без кольца — все десять лежали в шкатулке в спальне.

Потом Сотников услышал в отделе, у кулера, как про неё сказали: «Такая — и одна». Тогда это показалось ему просто словами. Через месяц он понял, что в этих словах было всё: город не мог поверить, что такая женщина может быть одна, и потому искал, кто в этом виноват.

— Все десять? — спросил Сотников, и голос у него вышел глупее, чем он хотел.

— Девять, — сказала она. — Десятый живёт.

— Где?

— В Северном. Посёлок, за объездной. Мы не вместе.

— Развелись?

— Нет.

Она говорила об этом так, будто рассказывала про переезды: спокойно, с датами, без пауз на «страшно». Сотников записывал фамилии и годы, и в какой-то момент поймал себя на том, что рука пишет медленнее, чем ему хочется.

Соболев Кирилл, две тысячи тринадцатый. Аверин Дмитрий, две тысячи пятнадцатый. Потапов Артур, две тысячи семнадцатый. Дунаев Никита, две тысячи восемнадцатый. Клюев Семён, две тысячи двадцатый. Маслов Илья, две ты-

сячи двадцать первый. Терентьев Богдан, две тысячи двадцать второй. Ожигов Роман, две тысячи двадцать второй. Лещёв Марк, две тысячи двадцать четвёртый. Асланов Тимур, две тысячи двадцать четвёртый.

— Асланов — это который живёт?

— Да.

— Он вам кто?

— Муж, — сказала Вера. — Мы расписались в апреле.

— И вы с ним не живёте.

— Не живём.

Сотников отложил ручку.

— Вера Сергеевна. Вы понимаете, как это выглядит?

— Понимаю, — сказала она. — Меня об этом спрашивали. В две тысячи двадцать втором, когда умер Роман, приходил человек из полиции, молодой, и он меня спросил: «А почему у вас мужья умирают?» Я тогда сказала: «Потому что они парят». Он записал и ушёл.

— И всё?

— И всё.

— А вы как думаете?

Она впервые за всё утро удивилась. Это было видно: у неё чуть поднялись брови, и она чуть склонила голову, будто проверяла, правильно ли услышала.

— Я думаю, что они умерли оттого, что парили, — сказала она. — Все девять. У них у всех было одно и то же: сначала кашель, потом они не могли подняться по лестнице, потом

переставали выходить из дома. У Семёна была жидкая мокрота, и он дышал так, что было слышно через дверь. У Ильи была кожа серая, и он один раз упал в ванной, потому что закружилась голова. У Богдана — тот вообще был как заводной, он в последний месяц бегал по утрам, а потом ложился на пол в коридоре и лежал лицом в ковёр. — Она замолчала, потом добавила: — Я вам не для того это говорю, чтобы вы думали, что я хорошая. Я это говорю, потому что это одно и то же, и это видно, если смотреть.

— И вы не думали, что это странно? Десять раз?

— Думала, — сказала она. — На пятый раз думала. Я тогда пошла к врачу. Не к своему, к платному, в области, потому что у нас в городе все друг друга знают. Заплатила три тысячи, и он мне сказал: «Голубушка, вы не первая, кто об этом спрашивает, и вы не последняя. Это мода. Они все сейчас парят, и все они сейчас кашляют». — Она посмотрела в окно, где шёл снег. — Он мне сказал: «Мода пройдёт».

Сотников записал: «Пятый брак — Клюев С. А., 2020–2021. Обращалась к врачу (платному, область). Проверить».

Потом он задал ещё один вопрос, который задают в конце, когда уже нечего спрашивать:

— Скажите. Квартиры — это для вас что?

— Это деньги, — ответила она. — Я живу на одну зарплату. Сдаю девять. Две в области, семь здесь. — Она помолчала. — Вы же сейчас подумаете, что я их за это и убивала.

— А что я должен подумать?

— Что хотите, — сказала Вера. — Мне тридцать четыре года, и я десять раз хоронила человека, которого знала ближе, чем вы меня когда-нибудь узнаете. Хотите версию, что я их травила, — прошу. Только вы тогда не забудьте записать, что каждый из них ко мне приехал с этой своей штукой в кармане.

Он вышел из дома в половине двенадцатого. Снег шёл сильнее, у лавки мёрзли три человека, и на этот раз их было пять.

На крыльце он достал телефон и позвонил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.